

Шарафутдинов Денис Радиевич

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ

В статье речь идет о дискурсивных практиках легитимации вмешательства Российского государства в судьбы подданных Османской империи балканских народов в первой четверти XIX века. В результате анализа материалов дипломатической переписки на предмет выявления оценок русских агентов проводится их классификация. Автором предпринимаются попытка характеристики основных категорий, выявленных в процессе классификации взглядов русских дипломатических агентов, и их дальнейшая систематизация. Автор стремится продемонстрировать соответствие отдельных дискурсивных практик определенным группам дипломатических агентов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 204-206. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье речь идет о дискурсивных практиках легитимации вмешательства Российского государства в судьбы подданных Османской империи балканских народов в первой четверти XIX века. В результате анализа материалов дипломатической переписки на предмет выявления оценок русских агентов проводится их классификация. Автором предпринимаются попытка характеристики основных категорий, выявленных в процессе классификации взглядов русских дипломатических агентов, и их дальнейшая систематизация. Автор стремится продемонстрировать соответствие отдельных дискурсивных практик определенным группам дипломатических агентов.

Ключевые слова и фразы: дискурсивные практики; внешняя политика; дипломатические агенты; балканские народы; категории.

Шарафутдинов Денис Радиевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Sfincs_88@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ[©]

Первая четверть XIX столетия стала переходным этапом в развитии международных отношений в Европе и ознаменовалась большим количеством знаменательных событий. Наполеоновские войны стали тем лейтмотивом и проводником многих социально-политических явлений, которые произвели изменения в сознании современников. Крушение в 1814-1815 гг. Французской империи стало поводом возвышения Российской империи. Правление Александра I стало вершиной признания России на международной арене. После победы над Наполеоном мощью и величием Русского государства восторгались, ему завидовали, его опасались. Предшествовавшие этому многочисленные войны, где победы превалировали над поражениями, сопровождалась одновременными изменениями во всех сферах жизнедеятельности государства. Расширение России в южном и юго-западном направлениях сопровождалось военными конфликтами с еще одним «сильным игроком» на международной арене – Османской империей. Серия победоносных русско-турецких войн в конце XVIII-XIX вв., завершившихся подписанием на выгодных условиях мирных договоров, способствовала закреплению лидирующих позиций России в Черноморском бассейне. Это в свою очередь поставило вопрос о продвижении ее интересов в Восточное Средиземноморье. Европейская часть Османской империи, занимая на карте выгодное геостратегическое положение, была заселена в основном славянскими и православными народами. Их благожелательное отношение к Российской империи усиливало соперничество между великими державами за преобладание в регионе. Оценивая легитимность вмешательства России во внутренние дела Османской империи, русские дипломатические агенты расходились во взглядах на эту проблему. В дипломатических письмах того времени сохранились мнения русских агентов о балканском направлении внешней политики Российской империи. Поле дискурса, образовавшееся в результате постоянного взаимодействия русских агентов, обсуждения проблем, связанных с Балканами и населяющими их народами, окончательно сформировалось именно в первой четверти XIX века. Под дискурсом в данном случае подразумевается «рассуждение по поводу какой-либо проблемы, ее обсуждение как форма разговора, работа с текстом» [3, с. 16]. В ходе Балканского дискурса его участники выработали для себя единое значение категорий, которые обозначили явления окружающего мира, их раздельное понимание: категория наполняется содержанием за счет характеристик, приводимых различными участниками дискурса. Тем самым категория конструирует мир, уточняя его образ и направляя действия участников процесса. При этом дискурсивные «означающие» практики, реализуемые в дискурсе, определяются не столько структурой текста, сколько способом их включения в систему знаний, связанную с определенной иерархией ценностей. Сутью дискурсивного подхода является вычленение контекстов, в которых происходит речь. В зависимости от контекстов могут быть выделены разные виды дискурсов.

В поле «Балканского» дискурса среди основных категорий, которыми оперировали русские дипломатические агенты в процессе работы, можно выделить следующие критерии по степени интенсивности упоминания в дипломатической корреспонденции: во-первых, идеологическая основа; во-вторых, антропологические сюжеты; в-третьих, международно-правовые нормы (соглашения); в-четвертых, геополитические приоритеты государства.

Александр I, стремившийся лично участвовать во всех мало-мальски важных дипломатических связях, как с лидерами других стран, так и представителями русского дипломатического корпуса за рубежом, в своей корреспонденции агентам под категорию идеологической основы подводил следующее определение – «заветы религии». В легитимации вмешательства одного государства в дела подданных (турецкой «краи») другого государства религиозная преемственность Российской империи по отношению к Византийской

была одной из определяющих [1, с. 36]. Русские дипломатические агенты, обосновывая права Российского государства, часто использовали эту категорию. Но стоит заметить, что подобная тематика превалировала в текстах лишь некоторых групп дипломатов.

Внешнеполитическое ведомство России в начале XIX столетия представляло собой довольно «пестрое» сообщество с преобладанием иностранного контингента [2, с. 93]. Александр I в комплектовании этого ведомства стремился, в первую очередь, обращать внимание на квалификацию и способности потенциального государственного служащего, нежели на его происхождение. Это положение вызывало раздражение и упреки современников в адрес монарха [5, с. 18]. В дипломатической «корпорации» условно можно выделить следующие группы дипломатических агентов: 1) русские; 2) выходцы из недавно присоединенных земель к Российской империи (прибалтийские немцы, поляки); 3) выходцы из Западной Европы на русской службе; 4) выходцы из Юго-Восточной Европы на русской службе.

В обсуждении «Балканского» дискурса в дипломатической переписке к идеологической основе обращались, прежде всего, представители выходцев из Юго-Восточной Европы и русских. Сюжеты, развиваемые в материалах переписки, косвенно дают отсылку к идее объединения православного мира под покровительством единственной великой православной державы (на момент написания писем) – Российской империи.

Вторую категорию дискурсивных практик также предпочитали использовать представители упоминавшихся выше двух групп дипломатических агентов. Категории идеологии и родства, как правило, использовались в синтезе для создания картины оправданного покровительства Российской империи угнетенным балканским народам. Антропологические сюжеты были связаны с утверждением о братских узах всех славянских народов, так называемом «единоплеменстве» [4, с. 225-226]. Согласно этому тезису, в категорию «единоплеменников» вписывались не все балканские народы. Помимо «магометан» из ареала народов, на которые распространялось право вмешательства России, исключались босняки и греки. В отношении босняков, в некоторых дипломатических документах им присваивалось общее название – «потурченцы»; ситуация обстояла следующим образом. В среде дипломатических агентов складывалось негативное отношение к «изменникам» веры, ведь вместе с верой люди меняли образ мыслей, идеалы, обретали другие политические ориентиры. Греки в рамках данной категории рассматривались в разрыве от идеологической основы. Представители греческого народа являлись носителями православных ценностей, но в то же время не пользовались популярностью среди славянского компонента балканского народонаселения. В связи с этим неслучайными выглядят переговоры вокруг Греческого вопроса (1821-1830 гг.), когда представители Петербурга на официальном уровне заявляли об исключительных правах Российского престола в поддержке православного населения Османской Порты, оговариваясь при этом, что «греческие» дела являются проблемой всех великих европейских держав.

В третью категорию легитимации вмешательства России входили международно-правовые документы. В результате подписания ряда мирных договоров (Кючук-Кайнарджийский 1774 г., Ясский 1791 г., Бухарестский 1812 г.) за Российской империей были закреплены сначала право покровительства, а затем право исключительного покровительства православным народам Османской империи. Упомянуть о международных соглашениях и достигнутых привилегиях в первую очередь предпочитали представители второй условной группы дипломатических агентов – поляки, прибалтийские немцы, им аккомпанировали представители русского лагеря. Выходцы из Западной Европы крайне редко назначались на должности, на которых им бы вменялось в обязанности представлять интересы России в Балканском регионе. Исключение составляли лишь посты-назначения в сопредельных территориях: Австрия, Ионические о-ва, Италия. В своих аргументациях русские дипломатические агенты достаточно часто обращались к международно-юридическим документам в связи с ростом ценности Балканского региона среди европейских держав. Лишь подобные дискурсивные практики наряду с дипломатическим искусством сдерживали амбиции Англии, Австрии, Франции в распространении своего влияния на Балканах.

Четвертая категория, связанная с геополитическими приоритетами государства в дискурсивных практиках, формировалась на протяжении всей первой четверти XIX века. Национальные приоритеты выглядели еще крайне размытыми, что объяснялось, в первую очередь, постоянной изменяющейся внешнеполитической конъюнктурой. Смены вариаций союзников и соперников на протяжении первой половины правления Александра I были столь частыми, что высказываемые идеи в материалах дипломатической переписки подчас были противоположными друг другу, хотя исходили от одного человека. Восприятие балканских народов как важных участников международных событий начинается после окончания Наполеоновских войн и завершения работы Венского конгресса. В дипломатической практике русского МИДа начинает выстраиваться новая модель поведения, более гибкая и не лишенная отрицательных черт. С одной стороны, дипломатические агенты были скованы рамками вновь установленных правил легитимности на Венском конгрессе, с другой стороны, все отчетливее проявляется необходимость усиления влияния Российской империи на Балканском п-ове и как производная от этого – вопрос Черноморских проливов. Разгоревшиеся события весны 1821 г. в Придунайских княжествах и Греции поставили перед Александром I и его дипломатическим ведомством вопрос первенства интересов – национальных либо общеевропейских. В большинстве сохранившихся материалов дипломатической переписки среди русских агентов маятник весов склонялся в пользу национальных интересов, где балканским народам отводилась важная роль.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что представители Российской империи неоднозначно воспринимали народы Балканского полуострова. В своих рассуждениях об историческом прошлом и путях

развития народов от концепции единоверия и единоплеменства они раз за разом отказывались в угоду политической конъюнктуры. Однако дипломатические посланники не оставляли попыток сформировать для себя четкое представление с яркими характеристиками, но вот в оценке и интерпретации они были различны. Существовали общие образы, в рамках которых строилось мировосприятие чиновника МИДа относительно «субъекта» – сербского, черногорского, греческого, болгарского. Тем не менее, наличествовали критерии, множественные представления, позволявшие отгородить их от всех остальных.

Список литературы

1. **Зорин В. И.** Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 415 с.
2. **Каппелер А.** Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
3. **Серно П.** Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 12-53 с.
4. **Соловьев С. М.** Император Александр I. Политика. Дипломатия. М.: Мысль, 1995. 638 с.
5. **Татищев С. С.** Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1889. 567 с.

**DISCURSIVE PRACTICES IN FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE FIRST QUARTER OF THE XIXTH CENTURY: BALKAN NATIONS**

Sharafutdinov Denis Radievich

*Kazan (Volga Region) Federal University
Sfincs_88@mail.ru*

The article focuses at the discursive practices of legitimizing the Russian state intervention in the fate of the Ottoman Empire Balkan nations' subjects in the first quarter of the XIXth century. As a result of diplomatic correspondence materials analysis with the purpose to reveal the Russian agents' estimations, their classification is presented. The author undertakes the attempt to give the characteristics of the main categories revealed in the classification of the Russian diplomatic agents' views and their further systematization. The author seeks to demonstrate the compliance of certain discursive practices with the certain groups of diplomatic agents.

Key words and phrases: discursive practices; foreign policy; diplomatic agents; Balkan nations; category.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье показано, каким образом определяется место памяти в генезисе субъективности и морали в философии Ницше. Память рассматривается Ницше как специфически человеческое свершение, шаг преодоления животной природы человека на пути воли к власти, и именно этот шаг производит суверенного субъекта морали, ответственного за свои поступки. В основе этой суверенности, согласно Ницше, лежит не только верность долгу, но и способность принимать страдание, получать удовольствие от страдания, превращая тем самым моральный долг в принцип автономного желания и удовлетворения.

Ключевые слова и фразы: память; историчность; генеалогия; совесть; обещание; воля к власти; желание помнить; субъект.

Шевцов Константин Павлович, к. филос. н.

*Санкт-Петербургский государственный университет
shvkst@list.ru*

ПАМЯТЬ И ГЕНЕАЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ У Ф. НИЦШЕ®

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ, № гранта: 12-03-00192а.

Для философов Нового времени душа представляет собой особую организацию сил и способностей, внутри которой находится место памяти как врожденной способности души, важной детали машины познания и страстей или, наконец, необходимого момента в самосознании. Однако в философии после Гегеля появляется совершенно новый вопрос о памяти, а именно вопрос о том, что представляют собой сами *желание* и *воля вспоминать*, что *принуждает* человека считать ответственным себя и свое настоящее за свое прошлое, наконец, что есть сам человек, природа которого обращена к прошлому, которое больше не существует, но которое продолжает повторяться и воскрешать в настоящем в качестве ирреального и даже невозможного прошлого.